

№ 7(19)

**ФАНТАСТИКА
И ДЕТЕКТИВЫ**

16+

Журнал «Фантастика и Детективы»

Сборник

**Журнал «Фантастика и
Детективы» №7 (19) 2014**

«ИП Анпилова Н. А. (Сипета)»

2014

Сборник

Журнал «Фантастика и Детективы» №7 (19) 2014 / Сборник —
«ИП Анпилова Н. А. (Сипета)», 2014 — (Журнал «Фантастика и
Детективы»)

В номере: А. Конан Дойл. Встать на четвереньки Роберт Барр. Великая загадка
Пеграма Владимир Свержин. Песчинка на весах истории Светлана Васильева.
Письмо из России Татьяна Адаменко. Огонь свидетель Алла Несгорова. Секрет
омелы

Содержание

Встать на четвереньки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Коллектив авторов Журнал «Фантастика и Детективы» № 7 (19) 2014

Встать на четвереньки А. Конан Дойл

А. Конан Дойл
22 мая 1859 – 07 июля 1930 гг.

Мой друг Шерлок Холмс давно советовал мне не бояться предать огласке цепь невероятных событий, относящихся к делу профессора Пресбери. Тем самым, считал он, удастся навсегда покончить со скандальной молвой, двадцать лет назад распространившейся в университете и все еще продолжающей будоражить научную общественность Лондона. Однако случилось так, что лишь сейчас у меня появилась возможность изложить эту историю, расследованную Холмсом в последние годы его практики. Подробности о том, что произошло, долго хранились в моем сейфе наряду с иными весьма многочисленными записками о приключениях моего друга – но, наконец, получено разрешение их опубликовать. И даже теперь, однако, я должен быть предельно осторожен в изложении этих фактов.

Итак, в воскресенье вечером, в начале сентября 1903 года, мне доставили от Холмса вполне обычную для него краткую записку: «Явитесь тотчас же, если это возможно. Если невозможно – то явитесь все равно! Ш.Х.».

Наше с ним общение в те времена происходило весьма своеобразно. Я был одной из его привычек, стойких и долговременных – наряду со скрипкой, крепким табаком, прокуренной трубкой, разного рода справочниками, а также иными его привязанностями – возможно, и более неприглядными. Время от времени Холмс должен был предпринимать рискованные действия, и ему требовался надежный человек, которому он мог бы довериться в полной мере – именно таким человеком я и являлся. Но нужен был я и для другого: для шлифовки его логических способностей, поскольку его мысль работала острее в моем присутствии. Ему нравилось, как бы обращаясь ко мне, размышлять вслух. При этом его рассуждения по большей части не требовали от меня ответа – он мог бы с таким же результатом адресовать их, предположим, кровати. Но все же, превратив меня в объект собственной привычки, он начал испытывать необходимость в таком слушателе, как я, и в моих нечастых репликах. Вполне допускаю, что ему была не по вкусу педантичная медлительность моего ума, хотя именно благодаря ей догадки и открытия рождались в его голове особенно быстро и ярко. Вот к этому и сводилась моя роль в нашем приятельском тандеме...

Когда я явился на Бейкер-стрит, Холмс как раз пребывал в раздумье: нахмурившись, погрузился он в свое кресло, задрав высоко колени и без конца затягиваясь своей вечной трубкой. Было очевидно, что моего друга не на шутку занимает какая-то очень серьезная проблема. Кивнув мне на старое кресло, в котором я обычно любил сидеть, он без малого полчаса не давал никак понять, что замечает мое присутствие. И, наконец, встрепенулся, будто стряхивая с себя отчуждение, и сказал, улыбаясь с привычной легкой иронией, что рад опять видеть меня в нашем общем – когда-то – доме.

– Надеюсь, вы, дорогой Ватсон, не будете на меня в претензии за мою рассеянность. Сегодня мне дали знать об одном поразительном случае, который волей-неволей заставил меня поразмыслить на отвлеченные темы. Я, например, всерьез задумался, не сочинить ли мне что-то вроде краткой монографии о том, насколько полезны собаки в работе детектива.

– Простите, Холмс, но здесь не будет ничего оригинального, – возразил я. – Допустим, ищейки...

– Нет-нет, Ватсон, роль ищейек, конечно же, и так ясна. Однако есть и другая сторона, более щекотливая. Вы, должно быть, не забыли то самое дело – которое вы, при вашей страсти к сенсациям, обозначили как «Дело о Медных буках», – когда мне удалось, изучая психику ребенка, сделать вывод о преступном складе ума его родителя, казалось бы, такого почтенного и добропорядочного?

– Да, отлично помнится.

– Аналогично я выстраиваю и свои размышления о собаках. В любом псе, как в зеркале, видна атмосфера, преобладающая в семье. Скажите, вам когда-нибудь попадался на глаза беззаботно-веселый зверь, живущий в несчастной семье, либо, напротив, унылое животное – в благополучной? Если злобен хозяин, то и собака кажется бешеной; у опасного хозяина и пес непременно опасен. Когда меняется настроение пса, по этой перемене без труда можно судить о настроении хозяина.

Я с ним не согласился:

– Ну, Холмс, это уж чересчур. Ваши аргументы, по-моему, взяты с потолка.

Он набил трубку и вновь опустил в кресло, никак не отреагировав на мои слова:

– На практике все сказанное мною имеет самое непосредственное отношение к проблеме, которой я сейчас занимаюсь. Она для меня – как запутанный клубок, в котором приходится искать свободную нитку, чтобы потянуть и распутать его целиком. Один из главных путей

отыскать этот конец – это прежде всего ответ: почему овчарка профессора Пресбери, его преданный пес Рой, то и дело стремится укунить своего хозяина?

Я откинулся на спинку кресла, ощущая разочарование: из-за подобной мелочи он отвлек меня от работы! Холмс коротко глянул на меня:

– Вы ничуть не изменились, остались прежним Ватсоном! – раздраженно сказал он. – Когда вы наконец поймете, что сложнейшие вопросы базируются иногда на подлинных мелочах! Итак, подумайте: не удивляет ли вас, что почтенный, солидный ученый мудрец... вы знаете, конечно, о прославленном Пресбери, физиологе из Кэмфорда... не удивительно ли, что такой человек был дважды искусан своей овчаркой, прежде верно ему служившей? Как, по вашему, это можно объяснить?

– Собака не здорова, вот и всё.

– Ну что же, вполне логичный вывод. Однако на других людей она никогда не бросалась, не считая хозяина – да и то, видимо, в исключительных случаях... Интересная история, Ватсон, чрезвычайно интересная. Но к нам идут – похоже, молодой Беннет приехал раньше, чем было договорено. А жаль, я намеревался поговорить с вами побольше, прежде чем он явится.

Торопливые шаги раздались на лестнице, мы услышали резкий стук. Через несколько секунд перед нашими глазами предстал новый клиент Холмса.

Им оказался стройный, красивый мужчина примерно тридцати лет, одетый не без вкуса, даже изящно. Но если говорить о его манере вести себя, тут бросалась в глаза скорей уж робость ученого, нежели развязность светского щеголя. Они с Холмсом пожали друг другу руки, а потом он бросил на меня слегка растерянный взгляд.

– Но, мистер Холмс, вопрос у меня очень щекотливый, – сказал гость. – Вы же знаете, как много связывает меня с профессором Пресбери: это касается и частной жизни, и моей работы. А потому я предпочел бы обсудить это дело наедине.

– Не беспокойтесь, мистер Беннет. Доктор Ватсон человек в высшей степени тактичный, и к тому же – заверяю вас – в подобном деле мне, скорей всего, не обойтись без помощника.

– Как пожелаете, мистер Холмс. Вы, конечно, понимаете, отчего мне приходится соблюдать такую осторожность по этому поводу...

– Вы тоже это поймете, Ватсон, если я сообщу вам, что джентльмен, с которым мы разговариваем, мистер Джон Беннет, работает ассистентом профессора Пресбери, живет у него в доме и обручен с его единственной дочерью. Без сомнения, этот видный ученый должен в высшей степени полагаться на преданность Беннета. Так вот, чтобы соблюсти ее, этот джентльмен и просит нас предпринять все возможное для раскрытия этой поразительной тайны.

– Да, я именно такого мнения, мистер Холмс. К этому я и стремлюсь. Знает ли доктор Ватсон о том, как обстоят дела?

– Я еще не успел рассказать ему об основных событиях.

– В таком случае, может быть, я опять изложу главные детали происходящего, прежде чем перейти к тому, что совершилось в последние дни?

– Пожалуй, я займусь этим сам, – сказал Холмс. – И заодно проследите, хорошо ли я запомнил порядок событий. Так вот, Ватсон: профессор – личность европейского масштаба. Наука всегда была основным стержнем его жизни, и на репутации нет ни единого пятна. Он вдов; имеет дочь, которую зовут Эдит. Человек это, как я понял, очень упорный, бескомпромиссный – и несколько воинственный, если можно так выразиться... Вот предпосылки к нашей истории.

Всего несколько месяцев назад в его жизни произошел вдруг резкий перелом. Невзирая на свой почтенный возраст... а профессору, между прочим, шестьдесят один год... он попросил у профессора Морфи, своего коллеги по кафедре сравнительной анатомии, руки его дочери. Этот поступок, по всей видимости, имел мало общего со степенным ухаживанием человека в возрасте – нет, он влюбился пылко, как юноша, и трудно представить себе более

горячую страсть. Юная леди Элис Морфи – девушка завидных достоинств. Ум и красота у нее незаурядные, что делает вполне объяснимым, отчего профессор так в нее влюблен. И все же его домочадцы были не очень довольны таким поворотом дел.

– На наш взгляд, это было уже чересчур, – добавил гость.

– Именно так. Чересчур страстно и не вполне в рамках природных границ. Хотя профессор Пресбери – человек немолодой, но обладает значительным состоянием, так что у отца будущей невесты возражений не было. Сама она, видимо, предпочла бы иной вариант – ее руки просили джентльмены, менее блестящие в практическом смысле, но близкие к ней по возрасту. И все же профессор был, надо думать, ей по вкусу, невзирая на его эксцентричность. Препятствием мог быть только возраст жениха.

Как раз в тот самый период размеренная жизнь профессора взорвалась еще одной странной переменной. Он совершил поступок, обычно не свойственный ему: отправился в поездку, не сообщив своим домашним, куда именно уезжает. Две недели был в отлучке, а затем вернулся назад, усталый, как утомляет только длительное путешествие. Куда именно ездил, так и осталось загадкой – при том, что вообще-то профессор никогда не страдал скрытностью.

По случайному совпадению наш клиент, мистер Беннет, получил вскоре письмо от своего приятеля, пражского ученого. Тот сообщал, что встретил в Праге профессора Пресбери, но побеседовать с ним не удалось. Благодаря такому случаю семья профессора и узнала, где именно он побывал.

Теперь мы перейдем к важнейшим происшествиям. Именно с той самой поездки профессор начал необъяснимо меняться. Все домочадцы стали замечать в нем совершенно несвойственные ранее черты: как будто что-то затмило его ум, приглушив всё хорошее и благородное. Ум его, правда, был все так же замечателен; лекции по-прежнему великолепны. Однако нечто новое, темное и непредсказуемое, начало подспудно проявляться в профессоре. Дочь, обожающая его, тщетно стремилась поговорить с ним по душам, преодолеть невидимую стену, которой он окружил себя. Да и вы, сэр, насколько я знаю, старались сделать то же самое, но безрезультатно. Ну, а сейчас, мистер Беннет, опишите доктору тот случай, связанный с письмами.

– Прежде всего упомяну, доктор Ватсон, что профессор не таил от меня никаких секретов. Даже сыну или младшему брату никто не доверял бы больше. Я, как его секретарь, занимался всеми приходившими на его имя бумагами: открывал письма и упорядочивал их. Но после того, как он вернулся из Праги, ситуация приняла другой оборот. Он сообщил мне, что, вероятно, станет получать письма от лондонского отправителя, которые можно будет распознать благодаря крестик под маркой. Эти письма я должен специально отбирать и не вскрывать ни в коем случае, читать их будет лишь он. Вслед за этим мы и вправду получили несколько таких писем; на конвертах стоял корявый почерк не очень грамотного человека. Возможно, профессор и посылал ему ответы, хотя все они проходили мимо меня.

– Не забудьте о шкатулке, – сказал Холмс.

– Да, именно – шкатулка. После этой поездки у профессора появилась небольшая шкатулка из резного дерева – единственный предмет, который ясно доказывает, что он был на континенте, а судя по виду этой вещицы, сделана она была в Германии или в Австро-Венгрии. Профессор спрятал ее в шкаф, где хранилась лабораторная посуда. Как-то раз, ища одну пробирку, я случайно коснулся этой шкатулки. Профессор был разгневан, заметив это, и принялся упрекать меня за чрезмерное любопытство, причем в грубых выражениях – что изумило меня, поскольку прежде такого никогда не случалось. Расстроившись, я объяснил, что у меня не было намерения взять шкатулку, я и дотронулся-то до нее совершенно случайно. Однако до самого вечера профессор то и дело мрачно поглядывал на меня, и я понимал, что этот случай его все еще беспокоит. – Мистер Беннет достал записную книжку из кармана и уточнил: – А произошло это второго июля.

– Свидетель вы отменный, – похвалил его Холмс. – Те даты, что вы зафиксировали, вполне могут понадобиться для моего расследования.

– Да ведь именно профессор учил меня систематичности в деталях, как и многому другому... Но продолжаю: когда стали проявляться всяческие аномалии в его поступках, я решил, что мне надлежит отыскать их причину. Я стал записывать тщательней – и вот у меня значится, что в тот же день второго июля, едва только профессор вышел из кабинета в холл, как на него напал обычно послушный пес Рой. Это повторилось одиннадцатого числа и вслед за тем опять – уже двадцатого. Так что пса отдали на конюшню. А жаль, собака умная и ласковая... Но, наверное, мой рассказ вас уже утомил?

Беннет произнес это не без упрека, потому что Холмс, кажется, отвлекся. Лицо у него стало каменным, и он смотрел мимо нас, куда-то в потолок. Слова Беннета заставили его пробудиться от оцепенения:

– Любопытно! И весьма, – буркнул он. – Надо сказать, мистер Беннет, этих деталей я прежде от вас не слышал. Ну что же, суть происходящего мы описали подробно, не правда ли? Но вы говорили о чем-то, совершившемся в последние дни...

И тут приятный, искренний взгляд нашего клиента омрачился тенью какого-то нехорошего воспоминания:

– Этот случай произошел позавчера ночью, – начал он. – Я был в постели, меня мучила бессонница. Часов около двух в коридоре послышались глухие, непонятные звуки. Приоткрыв дверь, я глянул в щелку... А, между прочим, спальня профессора расположена прямо напротив, в конце коридора.

– Простите, число? – перебил Холмс.

Рассказчика, похоже, огорчило, что тот прервал его столь малозначимым вопросом:

– Я говорил вам, сэр, что это было в позапрошлую ночь, то есть третьего сентября.

Кивнув, Холмс ответил с улыбкой:

– Дальше, пожалуйста!

– Итак, спальня профессора находится в конце коридора, и он должен миновать мою дверь, чтобы выйти на лестницу. Представьте только, мистер Холмс, эту ужасную картину! Не скажу, чтобы мои нервы были слабыми, но увиденное испугало меня. В коридоре царил тьма, и лишь напротив одного окна – на полпути ко мне – лежал отблеск лунного света. Но все же я заметил, что по коридору, в моем направлении, перемещается нечто темное и скрюченное. Когда лунный отблеск лег на него, я увидел отчетливо, что это был профессор. И, мистер Холмс, передвигался он ползком, да, именно ползком! На четырех конечностях, вернее сказать: поскольку он стоял при этом не на коленях, а на ступнях и низко опустил голову – ниже локтей. И шел он при этом, как мне представилось, довольно-таки легко. Увиденное настолько поразило меня, что я решился сделать шаг и поинтересоваться, нуждается ли профессор в помощи, только когда он достиг двери моей спальни. Реакцию пересказать нельзя! Сразу же он вскочил, прокричал в лицо нечто жуткое, какое-то ругательство, бросился прямо к лестнице и помчался вниз. Я ждал его час или больше, но он так и не появился. В свою спальню вернулся, надо полагать, на рассвете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.